



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ВАСЕНИН против РОССИИ»

(Жалоба № 48023/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

Вынесено 21 июня 2016 г.
Вступило в силу 17 октября 2016 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может подлежать редакционной правке.

По делу «Васенин против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Палатой в составе:

Луис Лопес Герра, *Председатель*,
Хелена Йедерблом,
Йоханнес Сильвис,
Дмитрий Дедов,
Бранко Лубарда,
Алина Полачкова,
Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

Проведя заседание 31 мая 2016 года за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано на основании жалобы (№ 48023/06) против Российской Федерации, поданной 3 ноября 2006 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Евгением Игоревичем Васениным (далее — «заявитель»).

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представляли К. Москаленко и В. Бокарева, адвокаты Центра международной защиты г. Москвы, и В. Преображенская, адвокат, практикующий в г. Санкт-Петербурге. Власти Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что администрация пенитенциарного учреждения не предоставляла ему надлежащей медицинской помощи; что его содержание под стражей в следственном изоляторе после вынесения постановления суда от 3 мая 2006 года о его принудительном лечении в психиатрическом учреждении являлось произвольным; и что судебные разбирательства по уголовному делу в его отношении являлись несправедливыми. В частности, он не мог присутствовать на заседании суда, качество юридической помощи было плохим, и он был лишен права обжаловать постановление суда первой инстанции.

4. 13 июня 2012 года данная жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1973 году в Перми. В настоящее время он содержится под стражей в Костромской области.

А. Краткое описание обстоятельств дела

6. В 2002 году суд пришел к выводу о том, что заявитель, который страдал шизофренией, совершил ряд преступлений, включая хранение наркотиков и грабеж с отягчающими обстоятельствами, и вынес постановление о помещении заявителя в психиатрическую больницу. Заявитель был помещен в психиатрическую больницу в Ленинградской области, где оставался до 30 января 2005 года, когда он сбежал.

7. 21 сентября 2005 года он был задержан пограничной службой Украины за незаконную попытку пересечения границы. В тот же день Личакивский районный суд г. Львова вынес постановление о его административном задержании сроком на пятнадцать суток. В соответствии со свидетельством, выданным Пограничной службой Украины в г. Львове, заявитель содержался под стражей с 21 сентября по 6 октября 2005 года.

Б. Производство по уголовному делу и заключение под стражу

1. Проведение расследования

8. В 2005 году органами милиции было возбуждено уголовное дело по факту поджога транспортных средств, принадлежащих частной компании.

9. По словам заявителя, 28 ноября 2005 года он был задержан сотрудниками милиции в г. Белгороде, находящемся возле границы с Украиной, в ходе проверки документов, удостоверяющих личность. Он был доставлен в отделение милиции и предположительно подвергся избиению с целью принудить его к признанию в совершении преступлений. На следующий день заявитель признался в поджоге транспортного средства, совершенном 9 августа 2005 года.

10. В протоколе указано, что заявитель был задержан 29 ноября 2005 года. В тот же день он дал показания, признавшись в поджоге автомобиля вместе с сообщником. Следователь назначил адвоката для оказания юридической помощи и допросил заявителя в присутствии защитника. Заявитель снова признался в умышленном поджоге. Он также упомянул, что за несколько месяцев до этого он сбежал из

психиатрической больницы, где проходил лечение согласно постановлению суда.

11. 30 ноября 2005 года следователь ходатайствовал перед Белгородским районным судом Белгородской области об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу.

12. 1 декабря 2005 года его ходатайство было удовлетворено. Районный суд постановил, что заявителю были предъявлены обвинения в совершении тяжкого преступления, наказываемого лишением свободы на срок до пяти лет. Его побег из психиатрической больницы и отсутствие постоянного места жительства указывали на то, что он может скрыться от правосудия. Также, на основании показаний свидетеля о том, что заявитель обращался к нему, чтобы «обсудить выдвинутые против него обвинения», суд пришел к выводу о том, что заявитель мог оказать давление на свидетелей и препятствовать отправлению правосудия. Суд заключил, что только содержание под стражей могло обеспечить соблюдение интересов правосудия.

13. Заявитель был помещен в следственный изолятор № ИЗ-31/1 в г. Белгороде. Он содержался в одной камере с другими заключенными. Не имеется доказательств того, что администрация пенитенциарного учреждения пыталась обеспечить заявителю условия, соответствующие его психическому заболеванию.

14. Заявитель указал, что после помещения в пенитенциарное учреждение сотрудники милиции, которые предположительно избивали его после задержания, снова доставили его в отделение милиции для допроса, пристегнули его наручниками к радиатору отопления и оставили его в таком положении до позднего вечера. Ему не давали пищи весь день и всего два раза разрешили воспользоваться туалетом.

15. 2 декабря 2005 года заявитель признался в поджоге автомобиля, совершенном вместе с сообщником 5 октября 2005 года. Позднее он подтвердил свои признательные показания на месте преступления.

16. В январе 2006 года следственные органы предъявили заявителю обвинение в открытом хищении чужого имущества, совершенном 25 ноября 2005 года. Они также ходатайствовали перед районным судом о продлении срока содержания заявителя под стражей до завершения расследования, утверждая, что дело является сложным, и необходимо больше времени для завершения расследования. Сторона защиты возразила, что заявитель нуждается в психиатрическом лечении и, следовательно, должен быть освобожден из-под стражи и направлен в психиатрическую лечебницу. 26 января 2006 года суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 16 февраля 2006 года, посчитав, что не имелось обстоятельств, которые бы служили основанием для освобождения заявителя.

17. Еще одно продление срока содержания под стражей, на тех же основаниях, последовало 9 февраля 2006 года. Срок содержания заявителя под стражей был продлен до 16 апреля 2006 года.

18. Во время рассматриваемых событий следователи санкционировали проведение психиатрической экспертизы заявителя. В заключении, представленном 15 февраля 2006 года, психиатры указали, что заявитель страдал параноидальной постоянной прогрессивной шизофренией, и у него была диагностирована первоначальная стадия парафрении. Врачи также отметили, что серьезное эмоциональное расстройство сделало заявителя особенно опасным и, следовательно, настоятельно рекомендовали содержание заявителя под стражей под постоянным надзором психиатра.

19. Действуя на основании заключения психиатров, 16 марта 2006 года органы власти назначили законного опекуна для оказания заявителю помощи в судебных разбирательствах.

20. 30 марта 2006 года предварительное расследование было завершено, и дело заявителя было передано в Октябрьский районный суд г. Белгорода. Ссылаясь на поставленный диагноз, сторона обвинения добивалась помещения заявителя в психиатрическую больницу.

2. Судебное разбирательство

21. 7 апреля 2006 года заявитель подал в Октябрьский районный суд ходатайство о проведении предварительного слушания по его делу. Он оспаривал выдвинутые против него обвинения и заявил о своей невиновности. Не предоставив документальных доказательств, заявитель возразил, что содержался под стражей на Украине с 22 сентября по 6 октября 2005 года и, следовательно, не совершал никаких преступлений в указанный период. Он также не согласился с заключением экспертов от 15 февраля 2006 года, указав, что психиатрическая больница с более мягким режимом охраны была бы более подходящей для его состояния здоровья. Наконец, он ходатайствовал о своем участии в судебном заседании, так как сомневался в эффективности предоставленной юридической помощи. Он отметил, что никогда не встречался со своим законным опекуном.

22. 13 апреля 2006 года суд провел предварительное слушание. Заявитель присутствовал на нем. Суд должен был принять решение о продлении срока содержания заявителя под стражей и необходимости его личного присутствия на суде.

23. Заявитель и его адвокат выразили различные мнения по нескольким вопросам. В то время как заявитель настаивал на его переводе из обычного пенитенциарного учреждения в психиатрическую больницу, его законный опекун и его адвокат согласились с продлением срока его содержания под стражей. Что

касается необходимости его присутствия на суде, адвокат заявителя возразил, что его присутствие являлось желательным, но не необходимым. Законный опекун предложил решить этот вопрос позднее. Заявитель настаивал на личном участии в судебном слушании, так как боялся, что в противном случае он может быть признан виновным в совершении преступлений, которые он не совершал.

24. Выслушав стороны, суд распорядился о содержании заявителя под стражей до завершения судебного разбирательства и о проведении судебного разбирательства в его отсутствие, так как личное участие лиц, страдающих психическими заболеваниями, не было предусмотрено российским Уголовно-процессуальным кодексом для подобных дел.

25. Заявитель оспорил постановление от 13 апреля 2006 года, но десять дней спустя его жалоба была возвращена без рассмотрения по существу. Суд постановил, что в соответствии с российским законодательством только его адвокат или законный представитель имел право подавать жалобу в таких делах.

26. 25 апреля 2006 года суд провел судебное разбирательство в присутствии прокурора, потерпевших, их адвокатов, адвоката и законного опекуна заявителя. Заявитель не был доставлен в зал суда. Суд зачитал показания потерпевших, данные на стадии предварительного следствия, и заслушал показания одного из потерпевших. Он также рассмотрел показания семерых свидетелей и изучил письменные признания заявителя, данные им 29 ноября и 2 декабря 2005 года. Он рассмотрел другие документы и вещественные доказательства. Ни адвокат, предоставляющий юридическую помощь, ни законный опекун не представили каких-либо заявлений или возражений. Они не задавали вопросов в ходе перекрестного допроса потерпевшего и не оспаривали приемлемость доказательств, включая признания заявителя. В своих завершающих речах адвокат и опекун признали, что заявитель совершил вменяемые ему преступления. Они указали, что по причине психического заболевания заявителя его не следует привлекать в уголовной или гражданской ответственности, и что его следует направить в психиатрическую больницу под интенсивный надзор.

27. 3 мая 2006 года районный суд вынес постановление по делу. Суд установил, что 9 августа 2005 года заявитель и его сообщник подожгли автомобиль; что 5 октября 2005 года они взорвали еще один автомобиль и что 25 ноября 2005 года они совершили открытое хищения чужого имущества. На основании психиатрического заключения от 15 февраля 2006 года суд распорядился о лечении заявителя в психиатрическом учреждении под интенсивным надзором. Он постановил, что мера пресечения в виде содержания заявителя под

стражей должна остаться без изменений до его помещения в психиатрическую больницу.

3. Обжалование

28. 12 мая 2006 года заявитель подал жалобу на приговор. Он также ходатайствовал перед судом о предоставлении ему протоколов судебных разбирательств, состоявшихся в суде первой инстанции. Заявитель возразил, что он был незаконно признан виновным в совершении преступлений, которые он не совершал, что его признание было получено под давлением, и что его защита, состоящая из адвоката, который предоставлял юридическую помощь, и законного опекуна, который был назначен против его воли, являлась явно неэффективной. Заявитель указал, что 5 октября 2005 года он все еще находился под стражей на Украине и, следовательно, не мог поджечь автомобиль в России в тот же день.

29. Аналогичная жалоба была подана в Белгородскую областную прокуратуру.

30. Ни адвокат заявителя, ни его опекун не подали жалоб в отношении приговора от 3 мая 2006 года. Приговор вступил в силу 13 мая 2006 года.

31. 15 мая 2006 года суд отклонил ходатайство заявителя о доступе к протоколам судебных разбирательств, так как этот запрос мог быть подан только его адвокатом или законным опекуном. Два дня спустя Октябрьский районный суд вернул жалобу заявителя на приговор от 3 мая 2006 года, сообщив ему, что только его адвокат или законный опекун обладали полномочиями для обжалования. Аналогичный ответ был получен из прокуратуры 26 мая 2006 года.

32. 11 июня 2006 года Приговор от 3 мая 2006 года был приведен в исполнение, и заявитель был помещен в психиатрическую больницу г. Орла.

4. Пересмотр в порядке надзора

33. В 2012 году Белгородская областная прокуратура обратилась в Президиум Белгородского областного суда с целью пересмотра в порядке надзора уголовного дела, ссылаясь на нарушение права заявителя на защиту.

34. 27 сентября 2012 года данное ходатайство было удовлетворено. Ссылаясь на подпункт (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, суд постановил, что решение суда о проведении слушаний в отсутствие заявителя являлось необоснованным.

35. 11 октября 2012 года Президиум Белгородского областного суда признал нарушение права заявителя на защиту, отменил приговор от 3

мая 2006 года и направил дело в Октябрьский районный суд для нового рассмотрения по существу.

5. Новое рассмотрение

36. Первое слушание по делу было назначено на 19 ноября 2012 года, но суд не смог вызвать заявителя. Повестки были возвращены с отметкой о том, что заявитель не найден по указанному адресу. 26 ноября и 6 декабря 2012 года районный суд повторно пытался сообщить заявителю о слушании заказными письмами и телеграммами. Повестки не были вручены заявителю, так как он покинул место проживания.

37. 6 декабря 2012 года районный суд постановил, что не может рассматривать уголовное дело в отсутствие сведений о местонахождении заявителя. Он вернул дело в следственные органы с распоряжением найти заявителя.

38. Стороны не сообщили Суду о результатах данного разбирательства.

В. Жалобы на жестокое обращение со стороны милиции в 2005 году

39. 10 декабря 2005 года заявитель подал в Белгородскую городскую прокуратуру жалобу на задержание и последующее жестокое обращение. Жалоба не содержала упоминаний о телесных повреждениях или возможных свидетелях избиений. Она не была подтверждена другими доказательствами.

40. Допросив предполагаемых преступников, которые отрицали какие-либо эпизоды жестокого обращения, 20 января 2006 года прокуратура вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

41. 27 февраля 2006 года вышестоящая прокуратура отменила постановление от 20 января 2006 года, распорядившись проверить наличие у заявителя телесных повреждений при его поступлении в пенитенциарное учреждение.

42. 10 марта 2006 года прокуратура снова отказала в возбуждении уголовного дела, ссылаясь главным образом на психическое заболевание заявителя. 14 апреля 2006 года Октябрьский районный суд признал данное постановление законным.

Г. Лечение заявителя с декабря 2005 года по сентябрь 2009 года

43. Заявителя содержали под стражей в следующих учреждениях: с 2 декабря 2005 года по 11 июня 2006 года — в изоляторе временного

содержания; с 11 июня 2006 года по 4 декабря 2007 года — в психиатрической больнице г. Орла; с 4 декабря 2007 года по 24 февраля 2009 года — в психиатрической больнице строгого режима в г. Санкт-Петербурге; и с 24 февраля по 31 августа 2009 года — в психиатрической больнице им. Кащенко в г. Санкт-Петербурге. Впоследствии заявитель был выписан для прохождения амбулаторного лечения.

1. Психическое состояние

44. Сразу после поступления в следственный изолятор заявитель был осмотрен врачом учреждения, которому заявитель сообщил, что страдает шизофренией с 2001 года.

45. В конце декабря 2005 года он был осмотрен психиатром. Согласно заключению врача от 21 декабря 2005 года, заявитель страдал маниакальной шизофренией. Отметив, что его состояние не требовало медикаментозного лечения, врач рекомендовал ему пройти дополнительное обследование и лечение в психиатрическом учреждении.

46. Заключение, подготовленное администрацией пенитенциарного учреждения в связи с освидетельствованием заявителя психиатрической комиссией, содержало указание о том, что в целом в поведении заявителя не замечено никаких странностей. У него были хорошие отношения с сокамерниками, и он с уважением относился к администрации. Он не нарушал распорядок.

47. 15 февраля 2006 года заявитель был осмотрен комиссией врачей из Белгородской областной клинической психоневрологической больницы. Эксперты подтвердили, что заявитель страдал параноидальной постоянной прогрессивной шизофренией и параферией на начальной стадии. Они рекомендовали лечение в медицинском учреждении строгого режима с интенсивным надзором, учитывая опасность, которую заявитель представлял для окружающих.

48. Во время пребывания заявителя в следственном изоляторе он не получал нейролептических медикаментов. У него не было зарегистрировано вспышек агрессии или иных особых случаев.

49. По поступлении в психиатрическую больницу г. Орла в июне 2006 года заявитель вел себя агрессивно. Ему были прописаны нейролептические медикаменты. В начале февраля 2007 года его психическое состояние улучшилось. К концу 2007 года его поведение было удовлетворительным.

50. В ходе его пребывания в психиатрической больнице строгого режима г. Санкт-Петербурга и в психиатрической больнице им. Кащенко заявитель проходил стандартное психиатрическое лечение с помощью нейролептических медикаментов. Его психическое

состояние значительно улучшилось, он больше не нуждался в стационарном лечении и был выписан.

2. Туберкулез

51. Рентгеновское обследование грудной клетки, проведенное через несколько дней после поступления заявителя в следственный изолятор показало, что заявитель был заражен очаговым туберкулезом в стадии инфильтрации. Заявитель был осмотрен врачом. Ему был назначен стандартный режим лечения с помощью антибактериальных медикаментов первой линии.

52. Ежедневные записи в его медицинской карте показывают, что с 13 января по 20 апреля 2006 года заявитель проходил предписанное лечение от туберкулеза. Затем последовал запланированный перерыв в лечении.

53. В психиатрической больнице г. Орла его лечение продолжилось. Рентгеновское обследование грудной клетки в феврале 2007 года показало, что туберкулез был «клинически излечен», и остались лишь незначительные следы болезни в левом легком. 10 ноября 2008 года врачи подтвердили полное выздоровление заявителя.

54. Представленные документы указывают на то, что в ходе лечения проводились регулярные рентгеновские обследования заявителя, а также делались анализы крови и мокроты.

3. Гепатит

55. Анализ крови, проведенный в психиатрической больнице г. Орла 16 июня 2006 года показал, что заявитель болел гепатитом С. 29 июня 2006 года он был осмотрен специалистом по инфекционным заболеваниям. Ему было назначено медикаментозное лечение. Оно привело к ремиссии гепатита в июне 2007 года. В декабре 2007 года врач подтвердил полную ремиссию. Когда заявитель был опрошен врачом с целью выяснения возможных причин заболевания, заявитель сообщил, что пользовался одной безопасной бритвой вместе с другими заключенными в изоляторе временного содержания.

56. В ходе последующих медицинских тестов и проверок не было выявлено ухудшения состояния здоровья заявителя. Из представленных документов следует, что болезнь с тех пор остается в неактивной стадии.

Д. Последующие события

57. 11 июня 2012 года заявитель был задержан в г. Иваново по подозрению в незаконном обороте наркотиков. Ленинский районный суд г. Иваново вынес постановление о заключении заявителя под

стражу. Он был помещен в изолятор временного содержания. В 2013 году он был переведен в психиатрическую больницу в Костромской области.

2. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Медицинская помощь, оказываемая заключенным

58. Применимые положения внутригосударственного и международного права об охране здоровья заключенных изложены в постановлениях Суда по следующим делам: постановлении от 15 декабря 2015 года по делу «Ивко против России» (*Ivko v. Russia*), (жалоба № 30575/08, пункты 55-63), постановлении от 27 ноября 2014 года по делу «Амиров против России» (*Amirov v. Russia*), (жалоба № 51857/13, пункты 50-57), постановлении от 30 сентября 2011 года по делу «Пахомов против России» (*Pakhomov v. Russia*) (жалоба № 44917/08, пункты 33-39 и 42-48) и постановлении от 27 января 2011 года по делу «Евгений Алексеенко против России» (*Yevgeniy Alekseyenko v. Russia*) (жалоба № 41833/04, пункты 60-66 и 73-80).

Б. Предварительное заключение под стражу и принудительные меры медицинского характера

59. Соответствующие положения внутригосударственного права, регулирующие предварительное содержание под стражей и применение принудительных мер медицинского характера изложены в постановлении Европейского Суда от 7 февраля 2012 года по делу «Прошкин против России» (*Proshkin v. Russia*) (жалоба № 28869/03, пункты 37-45).

60. В соответствии со статьей 308 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — «УПК»), приговор должен содержать постановление о мере пресечения, применяемой до вступления приговора в силу.

61. В соответствии с частью 3 статьи 443 УПК, судебные разбирательства по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера регулируются общими правилами, определенными в том же Кодексе (включая статью 308 УПК), и особыми положениями, предусмотренными главой 51 УПК «Производство о применении принудительных мер медицинского характера».

В. Судебное производство по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера

62. Регулирование судебных разбирательств по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера и вопросов, связанных с личным присутствием лиц с психическими заболеваниями, описаны в постановлении Европейского Суда от 30 октября 2012 года по делу «*Валерий Лопата против России*» (*Valeriy Lopata v. Russia*) (жалоба № 19936/04, пункты 79- 81).

63. Уголовно-процессуальный кодекс РФ («УПК»), действующий во время рассматриваемых событий, не включает душевнобольных в список лиц, которые имеют право на изучение материалов дела, участие в судебных слушаниях или подачу апелляции на решения суда. В соответствии со статьями 402, 437-39 и 444 УПК, только законный опекун или адвокат может пользоваться вышеупомянутыми правами.

64. 20 ноября 2007 года Конституционный Суд РФ вынес решение № 13-П, рассмотрев соответствие норм УПК, регулирующих судебные разбирательства в отношении применения принудительных мер медицинского характера, Конституции РФ. Он пришел к выводу о том, что УПК не предусматривал доступ душевнобольных к материалам дела, их право на участие в судебных слушаниях или обжалование решений суда.

65. Конституционный Суд повторил, что в соответствии с подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, лица, которым предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления, имеют право защищать себя сами лично или посредством юридической помощи по их выбору, или, в случае, когда они не располагают достаточными средствами для оплаты юридической помощи, им предоставляется бесплатная юридическая помощь, если этого требуют интересы правосудия. Он также постановил, что судебные разбирательства по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера регулировались общими положениями УПК и особыми правилами, определенными в соответствующей главе.

66. На основании решения, вынесенного в 2000 году, Конституционный Суд отметил, что гарантируя процессуальные права лицам, на права и интересы которых влияло уголовное судопроизводство, его решение не должно быть основано только на формальном процессуальном статусе лица в ходе таких разбирательств; оно должно также учитывать основные характеристики фактического положения такого лица в соответствующих судебных разбирательствах. На основании определенных положений Уголовного кодекса РФ Конституционный Суд отметил, что лицо, к которому могут быть применены

принудительные меры медицинского характера, так же, как обвиняемый или ответчик по уголовному делу, фактически является обвиняемым в совершении уголовного преступления, предусмотренного уголовным правом. Конституционный Суд также отметил, что такое лицо, до того, как станут известны результаты его психиатрического освидетельствования, имеет статус и процессуальные права «обычного» обвиняемого или подозреваемого, предоставленные согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ, и заключил, что следовательно, такое лицо продолжает подвергаться обращению, равному обращению с другими лицами, в отношении которых осуществляется уголовное судопроизводство.

67. Ссылаясь на постановление Европейского Суда от 20 октября 2005 года по делу «Романов против России» (*Romanov v. Russia*) (жалоба № 63993/00), Конституционный Суд заключил, что лицу, в отношении которого суд может принять решение о применении принудительных мер медицинского характера, должны быть предоставлены такие же процессуальные права и гарантии, что и подозреваемому или обвиняемому в обычном уголовном деле. Тот факт, что душевнобольной не был упомянут в статье 402, частях 3 и 6 статьи 439, статье 444 и части 1 статьи 445 УПК, как таковой не может быть истолкован в качестве лишения душевнобольного его процессуальных прав. Конституционный Суд осудил подход судов, состоящий, как правило, в автоматическом рассмотрении душевнобольного в качестве неспособного осуществить свои процессуальные права лично. Он объявил несовместимыми с положениями Конституции РФ все нормы УПК, включая статью 402, части 3 и 6 статьи 439, статью 444 и часть 1 статьи 445 в той степени, в которой они толкуются в качестве лишающих душевнобольных процессуальных прав, в том числе права на изучение материалов дела, участие в судебных слушаниях или оспаривание решений суда.

68. 7 апреля 2011 года Верховный Суд РФ вынес Постановление № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». Прежде всего, Верховный Суд подчеркнул, что государственные суды, при принятии решения о применимости принудительных мер медицинского характера, должны строго следовать нормам Конституции РФ, уголовного законодательства, уголовно-процессуального законодательства и Закона об исполнении наказаний, а также прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. Он также обратил внимание государственных судов на тот факт, что принудительные меры медицинского характера являлись уголовными по своему характеру. Верховный Суд также постановил, что в каждом уголовном деле должно быть вынесено распоряжение о проведении психиатрической экспертизы в случае возникновения сомнений в отношении душевного здоровья

подозреваемого или обвиняемого или его способности лично защищать свои права и интересы в ходе судебных разбирательств. Лицо, в отношении которого проводятся судебные разбирательства по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера, должно быть вправе осуществлять все права, предоставляемые подозреваемому или обвиняемому в обычном уголовном деле.

69. 29 ноября 2010 года Федеральным законом № 323-ФЗ введены поправки к УПК, позволяющие душевнобольным осуществлять свои права непосредственно, лично, если их психическое здоровье позволяет им сделать это.

Г. Юридическое представительство

70. Соответствующие положения внутригосударственного права, регулирующие юридическое представительство, приведены в постановлении Европейского Суда от 26 марта 2015 года по делу «Волков и Адамский против России» (*Volkov and Adamskiy v. Russia* (жалобы №№ 7614/09 и 30863/10, пункты 21-25).

71. В соответствии с пунктом 1 статьи 7 Закона об адвокатуре от 31 мая 2002 года, адвокат стороны защиты должен защищать права и интересы своего клиента честно, обоснованно и добросовестно, всеми способами, которые не запрещены российским законодательством. Он должен следовать правилам адвокатской этики.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

72. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что он был заражен туберкулезом и гепатитом при содержании под стражей, и что администрация пенитенциарного учреждения не приняла меры для защиты его здоровья и благополучия, не предоставив ему надлежащей медицинской помощи в отношении его психического и физического состояния. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

1. Доводы Властей

73. Власти привели два набора аргументов в отношении заражения заявителя туберкулезом и гепатитом.

74. Во-первых, они утверждали, что требования заявителя должны быть отклонены на основании неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Они указали, что заявителю следовало подать свои жалобы во внутригосударственные органы власти перед тем, как подать жалобу в Суд.

75. Во-вторых, они возразили, что не имелось доказательств заражения заявителя указанными болезнями при содержании под стражей.

76. Что касается качества медицинской помощи, предоставленной при содержании под стражей, аргументы Властей также состояли из двух аспектов.

77. Во-первых, они заявили, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, не подав в суд требование о компенсации.

78. В качестве альтернативы они возразили, что заявитель проходил надлежащее лечение, которое привело к его полному выздоровлению от туберкулеза. Его гепатит был под контролем и не обострялся после 2007 года. Что касается его психических проблем, заявитель не представил заключения эксперта, подтверждающего, что уход, который был предоставлен ему в этом отношении, являлся ненадлежащим.

2. Доводы заявителя

79. Заявитель настаивал на своих жалобах. Он возразил, что заразился туберкулезом и гепатитом при содержании под стражей по причине халатности медицинского персонала изолятора временного содержания. Соответственно, органы власти должны нести ответственность за это.

80. Он также указал, что не имел доступа к медицинской помощи при содержании в следственном изоляторе ни в отношении туберкулеза, ни в отношении его психического состояния.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

(а) Заражение туберкулезом

81. Суд отмечает, что у заявителя был диагностирован очаговый туберкулез на стадии инфильтрации в течение нескольких дней после его принятия в следственный изолятор (см. выше пункт 51). Хотя маловероятно, что развитие заболевания, начиная с инкубационного периода до продвинутой стадии, могло занять лишь нескольких дней, Суд не будет рассматривать возможность этого. Вместо этого Суд повторяет свой постоянный подход, состоящий в том, что даже если заявитель заразился туберкулезом при содержании под стражей, это само по себе не подразумевает нарушение статьи 3, при условии, что он проходил соответствующее лечение (см. постановление Европейского Суда от 26 февраля 2015 года по делу *«Евгений Богданов против России»* (*Yevgeniy Bogdanov v. Russia*), жалоба № 22405/04, пункт 90; постановление Европейского Суда от 6 марта 2014 года по делу *«Горбуля против России»* (*Gorbulya v. Russia*), жалоба № 31535/09, пункт 84; постановление Европейского Суда от 30 июля 2009 года по делу *«Питалев против России»* (*Pitalev v. Russia*), жалоба № 34393/03, пункт 53; и постановление Европейского Суда от 8 ноября 2005 года по делу *«Альвер против Эстонии»* (*Alver v. Estonia*), жалоба № 64812/01, пункт 54).

82. Возвращаясь к качеству медицинской помощи, предоставленной заявителю в отношении его туберкулеза, Суд отмечает, что заявитель сослался только на отсутствие противотуберкулезной терапии при содержании под стражей в изоляторе временного содержания.

83. Тем не менее, утверждения заявителя в этом отношении опровергнуты медицинскими документами за период с 13 января по 20 апреля 2006 года. В соответствии с ними, заявитель проходил медикаментозное лечение от туберкулеза в полном соответствии с предписаниями врача (см. пункт 52 выше). Суд не имеет оснований сомневаться в достоверности вышеупомянутых документов.

84. Принимая во внимание вышеупомянутые соображения, Суд приходит к выводу о том, что жалоба заявителя в отношении его заражения туберкулезом при содержании под стражей должна быть отклонена в качестве явно необоснованной в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции. Жалоба на качество лечения от туберкулеза будет рассмотрена ниже.

(b) Заражение гепатитом

85. Суд отмечает возражение Властей относительно не-исчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты.

86. Суд ранее делал вывод о том, что жалоба в соответствии с уголовным правом являлась адекватным средством правовой защиты в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции для обжалования заявителем заражения передающимися заболеваниями при содержании под стражей. Так, в решении от 6 марта 2012 года по делу «Исматуллаев против России» (*Ismatullayev v. Russia*), жалоба № 29687/09, пункты 28 и 29) Суд постановил, что заявитель должен был предоставить органам власти возможность провести расследование по делу и ответить на его жалобы. Расследование по уголовному праву могло позволить собрать доказательства, необходимые для подтверждения жалобы заявителя о неосторожных действиях тюремного медицинского персонала, приведших к его инфицированию. Следственные органы располагали полномочиями посетить место заключения, опросить заключенных, изучить документы, включая медицинские записи, взять показания у сотрудников тюремной администрации, собрать данные судебной экспертизы, заключения экспертов и предпринять все иные важные меры с целью установления правдивости утверждений заявителя. Роль следственных органов является решающей не только при уголовном преследовании лиц, совершивших преступление, но также с целью использования заявителем других средств правовой защиты для возмещения причиненного ему ущерба. В упомянутом деле Суд пришел к выводу о том, что отсутствие подачи заявителем заявления о возбуждении уголовного дела в следственные органы лишило Власти возможности устранить предполагаемые нарушения его прав, гарантированных статьей 3 Конвенции.

87. Обстоятельства настоящего дела являются аналогичными и не говорят о существовании особых обстоятельств, которые могли бы освободить заявителя от исчерпания доступных ему внутригосударственных средств правовой защиты. Соответственно, Суд не видит причин для другого вывода по настоящему делу. Настоящая часть жалобы должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции по причине неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

(c) Адекватность лечения

88. При оценке аргумента Властей о том, что заявитель не исчерпал доступные внутригосударственные средства правовой защиты в отношении предположительно ненадлежащего лечения, Суд повторяет, что неоднократно делал вывод о том, что гражданский иск о возмещении ущерба, предложенный Властями в качестве «эффективного средства правовой защиты», не удовлетворял

соответствующим критериям (см. постановление Европейского Суда от 13 ноября 2012 года по делу «*Корьяк против России*» (*Koryak v. Russia*), жалоба № 24677/10, пункты 82-86, и постановление Европейского Суда от 8 января 2013 года по делу «*Решетняк против России*» (*Reshetnyak v. Russia*), жалоба № 56027/10, пункты 65-73). Следовательно, Суд отклоняет этот аргумент.

89. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. *Существо жалобы*

(а) *Общие принципы*

90. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из наиболее фундаментальных ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы (см., например, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Лабита против Италии*» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 119, ЕСПЧ 2000-IV). Однако чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достигнуть минимальной степени жестокости. Оценка указанного минимального уровня относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., среди других источников, постановление Европейского Суда «*Ирландия против Соединенного Королевства*» (*Ireland v. the United Kingdom*) от 18 января 1978 г., пункт 162, серия А № 25).

91. Ненадлежащее обращение, которое достигает такого минимального уровня жестокости, обычно предполагает фактическое нанесение телесных повреждений или причинение значительных физических или душевных страданий. Однако, даже при отсутствии вышеперечисленного, в тех случаях, когда то или иное обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его человеческому достоинству или его принижение, или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности, оно может быть охарактеризовано как «унижающее достоинство» и также подпадать под действие запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «*Претти против Соединенного Королевства*» (*Pretty v. the United Kingdom*),

жалоба № 2346/02, пункт 52, ЕСПЧ 2002-III, с дальнейшими ссылками).

92. Государство должно гарантировать, что лицо содержится под стражей в условиях, совместимых с его человеческим достоинством, и что метод и способы исполнения меры лишения свободы не подвергают лицо страданиям и тяготам такой степени, что они превышают неизбежную степень страданий, присущих содержанию под стражей, и что охрана здоровья и благополучия лица надлежащим образом обеспечивается (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Кудла против Польши*» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, пункты 92-94, ЕСПЧ 2000-XI; и постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 года по делу «*Попов против России*» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 208). В большинстве дел, касавшихся содержания под стражей лиц, имевших различные заболевания, Суд рассматривал вопрос о том, получал ли заявитель надлежащую медицинскую помощь в период нахождения под стражей. В этой связи Суд напоминает, что хотя статья 3 не требует освобождения заключенного «из чувства сострадания», он всегда толковал требование охранять здоровье и благополучие заключенных как обязательство государства обеспечить заключенным оказание необходимой медицинской помощи (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Кудла против Польши*» (*Kudła v. Poland*), пункт 94; постановление Европейского Суда по делу «*Худобин против России*» (*Khudobin v. Russia*), жалоба № 59696/00, пункт 96, ЕСПЧ 2006-XII (извлечения); постановление Европейского Суда по делу «*Калашников против России*» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, пункт 95, ЕСПЧ 2002-VI).

93. Вопрос «качества» медицинской помощи остается наиболее сложным аспектом для определения. Суд, в частности, настаивает на обязанности властей обеспечить оперативность и правильность диагностики и лечения (см. постановление Европейского Суда от 11 октября 2011 года по делу «*Хатаев против России*» (*Khatayev v. Russia*), жалоба № 56994/09, пункт 85; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Евгений Алексеенко против России*» (*Yevgeniy Alekseyenko v. Russia*), пункт 100; постановление Европейского Суда от 21 декабря 2010 года по делу «*Гладкий против России*» (*Gladkiy v. Russia*), жалоба № 3242/03, пункт 84; постановление Европейского Суда от 29 ноября 2007 года по делу «*Хумматов против Азербайджана*» (*Hummatov v. Azerbaijan*), жалобы №№ 9852/03 и 13413/04, пункт 115; постановление Европейского Суда от 28 марта 2006 года по делу «*Мельник против Украины*» (*Melnik v. Ukraine*), жалоба № 72286/01, пункты 104-106; и постановление Европейского Суда от 7 ноября 2006 года по делу «*Холомиов против Молдовы*» (*Holomiov v. Moldova*), жалоба № 30649/05, пункт 121), а

также, если это обусловлено состоянием здоровья, обязанность обеспечить регулярный и систематический контроль, включающий комплексную терапию, направленную на успешное лечение заболеваний заключенного или предотвращение осложнений (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Хумматов против Азербайджана» (*Hummatov v. Azerbaijan*), пункты 109 и 114; постановление Европейского Суда от 4 октября 2005 года по делу «Сарбан против Молдовы» (*Sarban v. Moldova*), жалоба № 3456/05, пункт 79). Суд напоминает, что качество медицинского обслуживания, предоставляемого в местах лишения свободы, должно быть надлежащего уровня, сопоставимого с качеством медицинского обслуживания, предоставляемого государством всем своим гражданам. Однако, это не означает, что каждому заключенному должно быть гарантировано обеспечено лечение на уровне лучших лечебно-профилактических учреждений за пределами мест лишения свободы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 марта 2016 года по делу «Блохин против России» (*Blokhin v. Russia*), жалоба № 47152/06, пункт 137; постановление от 7 февраля 2012 года по делу «Кара-Дамиани против Италии» (*Cara-Damiani v. Italy*), жалоба № 2447/05, пункт 66).

94. Статья 3 Конвенции не может толковаться в качестве определяющей общее обязательство по освобождению заключенного по состоянию здоровья или передаче его в государственную больницу, даже если он страдает от трудноизлечимой болезни (см. постановление Европейского Суда по делу «Муисель против Франции» (*Mouisel v. France*), жалоба № 67263/01, пункт 40, ЕСПЧ 2002-IX). Тем не менее, это положение не обязывает Власти принимать меры к тому, чтобы заключенные содержались под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству, чтобы формы и методы реализации этой меры пресечения не причиняли им лишения или страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, и чтобы их здоровье и самочувствие – с учетом практических требований режима лишения свободы – были адекватно обеспечены, посредством предоставления им, помимо прочего, необходимой медицинской помощи (см. постановление по делу *Кудлы*, упомянутое выше, пункт 94, и постановление по делу *Муиселя*, упомянутое выше, пункт 40).

95. Суд неоднократно делал вывод о том, что содержание под стражей больного может привести к возникновению вопросов в соответствии со статьей 3 Конвенции (там же, пункт 37), и что отсутствие надлежащей медицинской помощи может привести к обращению, противоречащему этому положению (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илхан против Турции» (*Ilhan v. Turkey*), жалоба № 22277/93, пункт 87, ЕСПЧ 2000-VII;

постановление Европейского Суда от 2 декабря 2004 года по делу «*Фарбтухс против Латвии*» (*Farbtuhs v. Latvia*), жалоба № 4672/02, пункт 51; и постановление Европейского Суда от 10 февраля 2004 года по делу «*Науменко против Украины*» (*Naumenko v. Ukraine*), жалоба № 42023/98, пункт 112).

96. В целом, Суд оставляет за собой право применять достаточно гибкий подход к определению обязательного стандарта медицинского обслуживания, решая этот вопрос в каждом деле индивидуально. Этот стандарт должен быть «совместим с человеческим достоинством» задержанного, но должны также быть учтены «практические требования лишения свободы» (см. постановление от 22 декабря 2008 года по делу «*Алексамян против России*» (*Aleksanyan v. Russia*), жалоба № 46468/06, § 140).

(б) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

97. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд в первую очередь оценит адекватность реакции властей на психические проблемы заявителя, и в частности, на соответствие его предварительного содержания под стражей в обычном пенитенциарном учреждении требованиям Конвенции.

98. Утверждая, что лишение свободы само по себе не является несовместимым с состоянием здоровья заявителя, содержание заявителя под стражей в учреждениях, не подходящих для содержания под стражей душевнобольных, в отсутствие ежедневного надзора за его состоянием, приводит к возникновению вопроса в соответствии с Конвенцией.

99. Суд уже рассмотрел несколько дел в отношении содержания под стражей душевнобольных в обычных пенитенциарных учреждениях. Он обнаружил нарушение статьи 3 Конвенции в обстоятельствах, в которых заявители, страдающие тяжелыми психическими расстройствами, проводили годы в неподходящих условиях, иногда непригодных даже для здоровых заключенных (см. постановление по делу «*Кудла против Польши*», упомянутое выше; постановление Европейского Суда от 10 января 2013 года по делу «*Клас против Бельгии*» (*Claes v. Belgium*), жалоба № 43418/09; постановление Европейского Суда от 23 февраля 2012 года по делу «*Г. против Франции*» (*G. v. France*), жалоба № 27244/09, Серия А № 325-В; постановление Европейского Суда от 20 января 2009 года по делу «*Славомир Мусял против Польши*» (*Sławomir Musiał v. Poland*, жалоба № 28300/06; и постановление Европейского Суда от 11 июля 2006 года по делу «*Ривьер против Франции*» (*Rivière v. France*), жалоба № 33834/03).

100. Тем не менее, настоящее дело отличается от вышеупомянутых в двух отношениях: тяжесть психического состояния заявителя и

продолжительность его пребывания в обычном пенитенциарном учреждении.

101. В частности, в соответствии с медицинским заключением от 21 декабря 2005 года, несмотря на то, что заявитель страдал тяжелым психическим расстройством - шизофренией - не имелось настоящей необходимости в срочном медикаментозном лечении (см. пункт 45 выше). Заявитель не демонстрировал симптомов, которые требовали бы психиатрической помощи. Ничто не указывало на влияние заболевания на поведение заявителя. У него не было конфликтов с сокамерниками или администрацией, и он не демонстрировал суицидальных тенденций (см. пункт 46 выше) (см., для сравнения, постановление по делу *«Кудла против Польши»*, упомянутое выше, пункт 83, и постановление по делу *«Г. против Франции»*, упомянутое выше, пункт 17). В отсутствие медицинского заключения о противоположном Суд не может заключить, что в течение рассматриваемого периода заявителю требовалось лечение его психического состояния, или что в отсутствие такого лечения его психическое здоровье существенно ухудшилось. Также важно то, что пребывание заявителя в следственном изоляторе являлось особенно продолжительным (см., для сравнения, постановление по делу *«Кудла против Польши»*, упомянутое выше, пункт 84, постановление по делу *Класа*, упомянутое выше, пункт 90; постановление по делу *«Г. против Франции»*, упомянутое выше, пункт 47; постановление по делу *«Славомир Мусял против Польши»*, упомянутое выше, пункт 90; и постановление по делу *«Ривьер против Франции»*, упомянутое выше, пункт 67), и что не было установлено негативное воздействие на психическое здоровье заявителя (см., для сравнения, постановление по делу *«Клас и другие против Бельгии»*, упомянутое выше, пункт 97). В таких обстоятельствах, принимая во внимание тот факт, что заявитель не переносил физических или моральных страданий или воздействия дополнительных отягчающих факторов, связанных с физическими условиями его содержания под стражей, Суд не может заключить, что предварительное содержание заявителя под стражей в обычном пенитенциарном учреждении достигло минимального уровня жестокости, предусмотренного статьей 3 Конвенции. Суд отмечает, что последующее содержание заявителя под стражей и лечение в психиатрическом учреждении, по-видимому, не является ошибочным. Оно являлось успешным и привело к выписке заявителя из больницы (см. пункт 43 выше).

102. Принимая во внимание полную медицинскую карту заявителя и позитивный результат лечения, в особенности, тот факт, что туберкулез заявителя был оперативно и эффективно излечен, и его гепатит находился под контролем, а также то, что с тех пор у заявителя не было рецидива, Суд приходит к выводу о том, что органы власти

приняли все меры, необходимые для защиты его физического благополучия.

103. Соответственно, Суд заключает, что не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в отношении качества лечения заявителя.

2. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

104. Заявитель жаловался, что его содержание под стражей с 3 мая по 11 июня 2006 года являлось несовместимым с требованиями пункта 1 статьи 5 Конвенции. Статья 5 в соответствующей части гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

(а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

...

(е) законное заключение под стражу... душевнобольных...»

А. Доводы сторон

105. Власти указали, что содержание заявителя под стражей в период с 3 мая по 11 июня 2006 года соответствовало подпункту (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, так как имело место с целью помешать заявителю скрыться от правосудия. В качестве альтернативы Власти возразили, что содержание заявителя под стражей соответствовало подпункту (е) Конвенции и удовлетворяло требованиям этого положения, так как содержание под стражей являлось законным и необходимым с учетом психического состояния заявителя.

106. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей являлось незаконным, так как суд не обладал полномочием выносить постановление о его содержании под стражей до вступления в силу приговора по его делу. Он также указал, что в любом случае оно являлось произвольным, так как следственный изолятор, в который был помещен заявитель, не подходил для содержания под стражей душевнобольных.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

107. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

108. Чтобы соответствовать пункту 1 статьи 5 Конвенции, содержание под стражей должно иметь место «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом» и являться «законным». Конвенция в этом случае ссылается, главным образом, на государственное право и определяет обязательство по соблюдению материальных и процессуальных правил такого свода норм права, но также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5, состоящей в защите лица от произвола (см., в числе прочих источников, постановление Европейского Суда от 30 июля 1998 года по делу «*Aerts против Бельгии*» (*Aerts v. Belgium*), пункт 46, Отчеты о постановлениях и решениях 1998-V; постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 года по делу «*Bizzotto против Греции*» (*Bizzotto v. Greece*), пункт 31, Отчеты 1996-V; и постановление Европейского Суда от 24 октября 1979 года по делу «*Винтерверп против Нидерландов*» (*Winterwerp v. the Netherlands*), пункты 39 и 45, Серия А № 33).

109. Суд повторяет, что подпункты с (а) по (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции содержат исчерпывающий перечень разрешенных оснований для лишения свободы, и лишение свободы не является законным, если не соответствует одному из указанных оснований (см., *inter alia*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Saadi против Соединенного Королевства*» (*Saadi v. the United Kingdom*), жалоба № 13229/03, пункт 43, ЕСПЧ 2008; постановление Европейского Суда по делу «*Витольд Литва против Польши*» (*Witold Litwa v. Poland*), жалоба № 26629/95, пункт 49, ЕСПЧ 2000-III; и постановление Европейского Суда от 6 ноября 1980 года по делу «*Гуззарди против Италии*» (*Guzzardi v. Italy*), пункт 96, Серия А № 39). Тем не менее, применимость одного основания не обязательно исключает применение другого: содержание под стражей, в зависимости от обстоятельств дела, может являться обоснованным в соответствии с более чем одним подпунктом (см. постановление Европейского Суда от 27 мая 1997 года по делу «*Эриксен против Норвегии*» (*Eriksen v. Norway*), пункт 76, Сборник постановлений и

решений Европейского Суда по правам человека 1997-III; и постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 года по делу «*Эркало против Нидерландов*» (*Erkalo v. the Netherlands*), пункт 50, Сборник постановлений и решений 1998-VI).

110. Тем не менее, законность содержания заявителя под стражей в соответствии с внутригосударственным правом сама по себе не является определяющим фактором. Также следует определить, соответствовало ли его содержание под стражей в соответствующий период цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, и было ли применено произвольно (см. постановление Европейского Суда по делу «*Витольд Литва против Польши*» (*Witold Litwa v. Poland*), № 26629/95, пункты 72-73, ЕСПЧ 2000-III).

(б) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

111. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что 3 мая 2006 года, после того, как было установлено, что заявитель совершил преступление, Октябрьский районный суд вынес постановление о помещении заявителя в психиатрическую больницу с целью принудительного лечения его психического расстройства. В то же время суд постановил, что заявитель должен оставаться под стражей до его поступления в психиатрическую больницу. Постановление вступило в законную силу 13 мая 2006 года и было исполнено двадцать девять дней спустя, 11 июня 2006 года (см. пункты 27, 30 и 32 выше).

112. Содержание заявителя под стражей с 3 мая по 11 июня 2006 года попадает в сферу действия подпункта (а) пункта 1 статьи 5 Конвенции, так как имело место в результате «признания виновным» «компетентным судом». В дополнение, содержание заявителя под стражей, начиная с этой даты, также относилось к сфере действия подпункта (е) пункта 1 статьи 5 Конвенции, что подтверждено постановлением Районного суда от 3 мая 2006 года, так как заявитель, который страдал психическим расстройством, подлежал содержанию в психиатрическом учреждении (см. постановление по делу «*Прошкин против России*», упомянутое выше, пункт 67; постановление по делу «*Эркало против Нидерландов*», упомянутое выше, пункт 51; и постановление Европейского Суда от 11 мая 2004 года по делу «*Морсинк против Нидерландов*» (*Morsink v. the Netherlands*), жалоба № 48865/99, пункт 62).

113. Сначала Суд рассмотрит вопрос о том, являлось ли законным содержание заявителя под стражей. Выражения «законный» и «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом» в пункте 1 статьи 5 определяют обязательство по соблюдению материальных и процессуальных норм государственного права (см. постановление по делу «*Прошкин против России*», упомянутое выше, пункт 73).

114. Принимая во внимание текст статьи 308 и части 3 статьи 443 УПК (см. пункты 59-61 выше), Суд отклоняет аргумент заявителя о том, что Октябрьский районный суд действовал *ultra vires* в отношении разрешения содержания заявителя под стражей в постановлении от 3 мая 2006 года, включая период на обжалование судебного решения. Суд считает, что районный суд обладал полномочиями для того, чтобы санкционировать лишение заявителя свободы, принимая во внимания выводы о том, что заявитель совершил вмененные ему преступления, и, несмотря на то, что заявитель не мог быть привлечен к уголовной ответственности по причине его психического заболевания, тот факт, что он представлял опасность для себя и окружающих, и следовательно, подлежал помещению в психиатрическое учреждение. Суд принимает аргумент Властей о том, что решение о содержании заявителя под стражей после 3 мая 2006 года было вынесено в соответствии с материальными и процессуальными нормами национального права.

115. Тем не менее, Суд теперь рассмотрит вопрос о том, было ли содержание заявителя под стражей с 3 мая по 11 июня 2006 года лишено произвольности.

116. В связи с этим Суд отмечает, что должна быть связь между обоснованием санкционированного лишения свободы и местом и условиями содержания под стражей. В принципе, «содержание под стражей» лица в качестве душевнобольного является «законным» с точки зрения параграфа 1 подпункта (е), в случае такого содержания в больнице, клинике или другом соответствующем учреждении (см. постановление по делу «*Прошкин против России*», упомянутое выше, пункт 78, с дальнейшими ссылками).

117. Принимая во внимание тот факт, что заявитель содержался под стражей в обычной камере для нескольких заключенных и не проходил лечения с целью улучшения или, как минимум, сохранения его психического состояния, Суд приходит к выводу о том, что его камера не может рассматриваться в качестве «учреждения, подходящего для содержания под стражей душевнобольных» (см. постановление по делу «*Прошкин против России*», упомянутое выше, пункт 78, и постановление Европейского Суда от 30 июля 1998 года по делу «*Артс против Бельгии*» (*Aerts v. Belgium*), пункт 49, Отчеты 1998-V).

118. Суд уже приходил к выводу, что внутригосударственным органам власти может потребоваться определенное время для выбора наиболее подходящей клиники для осужденного заявителя, страдающего психическим расстройством, и что определенное неравенство между доступной и требуемой вместимостью клиник является неизбежным (см., к примеру, постановление по делу «*Прошкин против России*», упомянутое выше, пункты 76-82; постановление Европейского Суда от 6 ноября 2007 года по делу

«*Моцарская против Польши*» (*Mocarska v. Poland*), жалоба № 26917/05, пункты 41-49; постановление по делу «*Морсинк против Нидерландов*», упомянутое выше, пункты 66-68; и постановление Европейского Суда от 11 мая 2004 года по делу «*Бранд против Нидерландов*» (*Brand v. the Netherlands*), жалоба № 49902/99, пункты 60-66). В то же время Суд подчеркивал, что конкурирующие интересы должны быть соответствующим образом уравновешены. С этой точки зрения, снова заявляя о важности статьи 5 в системе Конвенции, Суд придерживается мнения о том, что, стремясь к такому равновесию, необходимо придавать определенную значимость праву заявителя на свободу, принимая во внимание, что значительная задержка при принятии заявителя в клинику и, таким образом, задержка начала лечения может негативно повлиять на ход лечения, и, в некоторых случаях, на перспективы успешного лечения.

119. В настоящем деле Власти не предоставили объяснений задержки принятия заявителя в психиатрическое учреждение. В отсутствие такого объяснения, даже если содержание заявителя под стражей само по себе не являлось особенно продолжительным, Суд не может прийти к выводу о том, что было достигнуто равновесие между конкурирующими интересами, и что заключение заявителя под стражу не являлось произвольным. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей с 3 мая по 11 июня 2006 года.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 И ПОДПУНКТА (С) ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

120. Заявитель также жаловался, что судебное разбирательство по его делу являлось несправедливым, и что сторона защиты находилась в менее выгодном положении, чем сторона обвинения. Он утверждал, что был не в состоянии защищать себя лично, что не имел доступа к материалам дела, и что юридическая помощь, предоставленная ему Властями, являлась явно неэффективной. Наконец, он утверждал, что был лишен доступа к обжалованию. Заявитель ссылался на пункт 1 и подпункт (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые гласят следующее:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела...

...

3. Всякий обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права: ...

(с) защищать себя... через посредство выбранного им самим защитника...;

А. Доводы сторон

121. Во-первых, Власти возразили, что рассматриваемые судебные разбирательства не являлись «судебными разбирательствами по уголовному делу» в значении Конвенции, так как сторона защиты стремилась к помещению заявителя в психиатрическое учреждение, а не к его наказанию в соответствии с Уголовным кодексом РФ. Соответственно, статья 6 Конвенции не являлась применимой. В связи с этим, Власти сослались на решение Европейского Суда по делу «*Антуан против Соединенного Королевства*» (*Antoine v. the United Kingdom*), жалоба № 62960/00, ЕСПЧ 2003) и решение Европейского Суда от 23 сентября 2003 года по делу «*Керр против Соединенного Королевства*» (*Kerr v. the United Kingdom*), жалоба № 63356/00).

122. Во-вторых, Власти указали, что применимые положения внутригосударственного законодательства не предусматривают обязательство по обеспечению присутствия душевнобольного ответчика на судебных слушаниях. В то же время они гарантируют защиту интересов душевнобольного ответчика посредством предоставления юридической помощи и представительства законным опекуном. Заявитель не имел возражений в отношении его представительства адвокатом, назначенным Властями, и законным опекуном, который обеспечивал эффективную защиту прав заявителя в ходе судебных разбирательств.

123. Власти также утверждали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, так как не оспорил постановление от 3 мая 2006 года посредством пересмотра в порядке надзора. Дополнительно, Власти отметили, что заявитель не мог являться потерпевшим в отношении процессуальных нарушений, которые имели место в ходе судебного разбирательства, так как постановление от 3 мая 2006 года было отменено в ходе пересмотра в порядке надзора.

124. Власти также возразили, что заявитель не ходатайствовал перед внутригосударственными судами об отстранении его адвоката от судебных разбирательств и назначении нового адвоката.

125. Наконец, Власти утверждали, что положения УПК, препятствующие участию заявителя в судебных разбирательствах и подаче им жалобы в отношении постановления суда, были объявлены неконституционными в 2007 году, и были исправлены законодательной властью в 2010 году (см. пункт 69 выше).

126. Заявитель возразил, что он должен был иметь возможность присутствовать на судебном разбирательстве, ознакомиться с материалами дела и обжаловать постановление от 3 мая 2006 года. Он отметил, что двое его законных представителей не проявляли никакой активности. Его адвокат поддерживал позицию стороны обвинения, а

не позицию заявителя. Более того, его представители не обжаловали постановление от 3 мая 2006 года, несмотря на то, что такая жалоба являлась единственной возможностью оспаривания заявителем такого постановления.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

127. Сначала Суд рассмотрит вопрос о том, привела ли отмена постановления от 3 мая 2006 года и возобновление рассмотрения дела к лишению заявителя статуса потерпевшего, как указали Власти.

128. В постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 2 ноября 2010 года по делу «Сахновский против России» (*Sakhnovskiy v. Russia*), жалоба № 21272/03, пункт 83) Суд постановил, что возобновление судебных разбирательств само по себе не может автоматически рассматриваться в качестве достаточной компенсации, способной лишить заявителя статуса потерпевшего.

129. Суд не видит причин отступать от этого подхода. Суд считает, что одно лишь возобновление производства по делу в порядке надзора не в состоянии обеспечить надлежащее и достаточное возмещение заявителю. Это особенно верно в случае, когда не было проведено нового судебного разбирательства. В связи с этим Суд отмечает, что в соответствующий период времени заявитель находился под стражей (см. пункт 57 выше), и ничто не мешало органам власти обеспечить присутствие заявителя на слушаниях.

130. Суд также отмечает, что аргумент Властей в отношении применимости статьи 6 Конвенции к судебным разбирательствам по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера уже был рассмотрен в постановлении по делу «Валерий Лопата против России» (упомянуто выше, пункт 120). Суд постановил, что рассматриваемые судебные разбирательства являлись «уголовными» в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции. Суд не видит оснований для другого вывода в настоящем деле, так как задача российских судов в случае заявителя главным образом состояла в решении вопроса о том, совершил ли заявитель преступление, за которое должен был понести уголовную ответственность. Только в последний момент, когда было установлено, что заявитель являлся душевнобольным, который, по причине состояния своего психического здоровья, не мог нести уголовную ответственность за совершенные действия, суд принял решение освободить заявителя от уголовной ответственности, и вместо этого применить принудительные меры медицинского характера. Суд отмечает, что в течение судебных разбирательств заявитель оставался под стражей в качестве обвиняемого по уголовному делу и ожидал

завершения судебных разбирательств в его отношении, как любой другой ответчик по обычному уголовному делу. В частности, Суд принимает во внимание подход, принятый Конституционным Судом РФ, который постановил, что процессуальное положение лица, в отношении которого подлежали применению принудительные меры медицинского характера, являлось в основном аналогичным положению подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, и следовательно, такое лицо должно в полной мере пользоваться гарантиями, предоставляемыми обвиняемому или ответчику Уголовно-процессуальным кодексом РФ (см. пункт 64 выше).

131. Суд также отклоняет возражение Властей о неисчерпании, так как согласно постоянному подходу Суда, пересмотр уголовных дел в порядке надзора не может рассматриваться в качестве «эффективного средства правовой защиты» и, соответственно, от заявителя не требовалось обращение к нему (см. решение Европейского Суда по делу «Бердзенишвили против России» (*Berdzenishvili v. Russia*), жалоба № 31697/03, ЕСПЧ 2004-II).

132. Следовательно, Суд отклоняет все возражения Властей в отношении приемлемости жалоб заявителя в соответствии с пунктом 1 и подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции. Принимая во внимание, что эта часть жалобы не является явно необоснованной в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не является неприемлемой на других основаниях, Суд объявляет ее приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

133. Прежде всего, Суд отмечает, что требования, содержащиеся в пункте 3 статьи 6 Конвенции, должны рассматриваться как частные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1, и, следовательно, жалобы заявителя в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 6 должны рассматриваться совместно (см. постановление Европейского Суда от 17 декабря 1996 года по делу «Ваше против Франции» (*Vacher v. France*), пункт 22, Сборник постановлений и решений 1996-VI).

134. Суд также повторяет, что несмотря на то, что это явным образом не упомянуто в пункте 1 статьи 6, предмет и цель статьи в целом состоят в том, что лицо, «которому предъявлены обвинения в совершении преступления», имеет право на принятие участия в слушании. Кроме того, подпункты (с), (d) и (e) пункта 3 статьи 6 Конвенции гарантируют каждому «обвиняемому в совершении уголовного преступления» права «защищать себя лично», «допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены» и «пользоваться бесплатной помощью переводчика,

если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке», осуществление которых сложно представить при его отсутствии в судебном заседании (см. постановление Европейского Суда от 12 февраля 1985 года по делу «Колоцца против Италии» (*Colozza v. Italy*), пункт 27, Series A № 89).

135. Суд повторяет, что предмет и цель пункта 1 и подпункта (с) пункта 3 статьи 6 предполагают присутствие обвиняемого. Суд первой инстанции может в порядке исключения продолжать слушания, если обвиняемый отсутствует по болезни, при условии, что его интересы представлены надлежащим образом (см. решение Европейского Суда по делу «Нинн-Хансен против Дании» (*Ninn-Hansen v. Denmark*), жалоба № 28972/95, стр. 351, ЕСПЧ 1999-V). Тем не менее, если судебные разбирательства включают оценку личности и характера обвиняемого и его психического состояния на момент совершения преступления, и если их результат может включать значительные негативные последствия для такого лица, для справедливости таких разбирательств необходимо присутствие такого лица на слушании и предоставление ему возможности участия в разбирательствах вместе с его адвокатом (см. постановление Европейского Суда от 3 октября 2000 года по делу «Поборникофф против Австрии» (*Pobornikoff v. Austria*), жалоба № 28501/95, пункт 31; постановление Европейского Суда от 25 ноября 1997 года по делу «Зана против Турции» (*Zana v. Turkey*), пункты 71-73, Отчеты 1997-VII; и постановление Европейского Суда от 21 сентября 1993 года по делу «Кремзов против Австрии» (*Kremzow v. Austria*), пункт 67, Серия A № 268-B).

136. Судебные разбирательства в целом не могут рассматриваться в качестве несправедливых, если ответчику была предоставлена возможность подачи апелляции в отношении приговора, вынесенного в его отсутствие, и право присутствовать на слушании в апелляционном суде, которое предоставляет возможность нового фактического и правового определения уголовного обвинения (см. решение Европейского Суда от 9 сентября 2003 года по делу «Джоунс против Соединенного Королевства» (*Jones v. the United Kingdom*), жалоба № 30900/02).

137. Наконец, Суд повторяет, что будучи абсолютным, право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту с помощью адвоката, назначенного властями, если это необходимо, является одной из основ справедливого судебного разбирательства (см. постановление Европейского Суда от 23 ноября 1993 года по делу «Пуатримоль против Франции» (*Poitrimol v. France*), пункт 34, Серия A № 277-A). Решающее значение для справедливого уголовного судопроизводства имеет надлежащая защита интересов обвиняемого как в судах первой инстанции, так и в апелляционном суде (см. постановление Европейского Суда от 22

сентября 1994 года по делу «*Лала против Нидерландов*» (*Lala v. the Netherlands*), пункт 33, Серия А № 297-А, и постановление Европейского Суда от 22 сентября 1994 года по делу «*Пелладоа против Нидерландов*» (*Pelladoah v. the Netherlands*), пункт 40, Серия А № 297-В). Тем не менее, государство не может нести ответственность за каждый недостаток работы адвоката, назначенного в целях оказания юридической помощи или по выбору обвиняемого. Естественно, из этого следует, что в случае, когда профессия юриста независима от государства, защита фактически является вопросом ответчика и его адвоката, независимо от того, назначен ли адвокат в рамках юридической помощи или нанят частным образом (см. постановление Европейского Суда от 24 сентября 2002 года по делу «*Кускани против Соединенного Королевства*» (*Cuscani v. the United Kingdom*), жалоба № 32771/96, пункт 39). Компетентные национальные органы власти обязаны, в соответствии с подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, вмешиваться только в том случае, если факт неоказания адвокатом эффективной юридической помощи является явным, или в достаточной мере доведен до их сведения иным способом (см. постановление Европейского Суда от 19 декабря 1989 года по делу «*Камасински против Австрии*» (*Kamasinski v. Austria*), пункт 65, Серия А № 168, и постановление Европейского Суда от 21 апреля 1998 года по делу «*Дауд против Португалии*» (*Daud v. Portugal*), пункт 38, Отчеты 1998-II).

(б) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

i. Личное присутствие

138. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что несмотря на присутствие заявителя на предварительном судебном слушании (см. пункт 22 выше), судебное разбирательство было проведено в его отсутствие (см. пункт 26 выше). Власти не обеспечили его явку в суд, утверждая, что российское законодательство не требует его присутствия по причине его психического состояния. Таким образом, заявителю не была предоставлена возможность участия в судебных разбирательствах в его отношении и представления возражений по его делу лично. Он также был лишен других процессуальных прав, включая право на изучение материалов дела.

139. Суд полагает, что, хотя и не являясь абсолютным, право быть услышанным занимает такое важное место в демократическом обществе и имеет такое фундаментальное значение для защиты человека от произвола со стороны органов государственной власти, что сам факт психического заболевания, а также признание человека недееспособным не может автоматически привести к исключению данного права в целом. Именно слабость психически больного

подсудимого обуславливает возросшую необходимость в защите его прав. В связи с этим, власти должны эффективным образом проявить необходимое усердие для обеспечения права обвиняемого присутствовать в суде и действовать особенно осторожно в случае ущемления такого права для того, чтобы не ставить психически больных подсудимых в более невыгодные условия по сравнению с другими подсудимыми, которые пользуются таким правом (см. постановление по делу «*Валерий Лопата против России*», упомянутое выше, пункт 125). Тем не менее, в настоящем деле ничто не указывает на то, что суд первой и кассационной инстанции, которые рассматривали дело в 2006 году, надлежащим образом оценили способность заявителя к эффективному участию в судебных разбирательствах в его отношении. Суд не видит никаких убедительных доказательств, демонстрирующих, что поведение заявителя и его психическое состояние препятствовали изложению его доводов в открытом заседании. Напротив, его замечания являлись обоснованными и ясными. Неспособность заявителя лично участвовать в судебном разбирательстве, как представляется, вытекает не из серьезности его психического состояния, а не ввиду отсутствия правовых норм в национальном законодательстве, которые бы признавали его право на присутствие в судебном заседании даже в ограниченном числе ситуаций.

140. С учетом угрозы, которая существовала относительно прав заявителя, при справедливом рассмотрении дела суды не могли вынести решение без наблюдения за поведением заявителя и непосредственной оценки представленных им доказательств. Не принимая во внимание на этом этапе качество юридического представительства заявителя, Суд заключает, что присутствие адвоката стороны защиты и законного опекуна заявителя не могло компенсировать невозможность для заявителя изложить доводы по своему делу непосредственно в суде (см. постановление по делу «*Валерий Лопата против России*», упомянутое выше, пункт 128; см. также, *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 года по делу «*Мамедова против России*» (*Mamedova v. Russia*), жалоба № 7064/05, и постановление Европейского Суда от 19 декабря 2006 года по делу «*Дуда против Польши*» (*Duda v. Poland*), жалоба № 67016/01). Этот вывод соответствует выводам Президиума Белгородского областного суда, который в 2012 году на аналогичных основаниях признал нарушение права заявителя на защиту (см. пункт 34 выше).

141. Соответственно, Суд считает, что судебное разбирательство, проведенное в отсутствие заявителя, не соответствовало требованиям справедливости, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

ii. Эффективная правовая помощь

142. Обращаясь к качеству юридического представительства, предоставленного заявителю в настоящем деле, Суд отмечает, что, хотя эффективность юридической помощи не требует проактивного подхода со стороны адвоката, и качество юридических услуг не может быть измерено количеством жалоб или возражений, поданных адвокатом в суд, явное пассивное поведение может, как минимум, привести к серьезным сомнениям в эффективности защиты. Это особенно верно в случае, когда обвиняемый настоятельно оспаривает обвинения и доказательства или не в состоянии посетить судебное разбирательство и обеспечить свою защиту лично.

143. В связи с этим Суд отмечает, что сторона защиты являлась фактически пассивной в ходе судебного разбирательства. Ни адвокат, ни назначенный законный опекун не ходатайствовали перед судом о проверке аргумента заявителя о том, что он находился под стражей на Украине во время совершения одного из преступлений, хотя этот аргумент был упомянут заявителем в его замечаниях (см. пункт 21 выше). Еще один недостаток состоит в том, что сторона защиты не оспорила приемлемость доказательств, включая показания, данные заявителем против себя после задержания, несмотря на тот факт, что заявитель сам оспаривал обвинения, настаивая на своем алиби и указывая, что он дал показания против себя в результате жестокого обращения со стороны милиции.

144. Суд заключает, что юридическая помощь, предоставленная заявителю в ходе судебных разбирательств, являлась крайне слабой. Адвокат и законный опекун заявителя, судя по всему, не действовали в интересах заявителя. Вместо защиты прав и интересов заявителя они поддерживали позицию стороны обвинения, в отношении существенных пунктов, таких как причастность заявителя к преступлениям, а также в отношении различных важных процессуальных вопросов, таких как присутствие заявителя на суде. Таким образом, их действия подрывали защиту заявителя. Суд уже пришел к выводу о том, что заявитель был несправедливо лишен возможности посетить судебное разбирательство и представить собственную версию событий (см. пункты 140 и 141. выше). Таким образом, Суд считает, что недостатки юридических услуг, предоставленных заявителю, стали особо выраженными и наносящими вред, учитывая, что заявитель не мог исправить или каким-либо образом уменьшить негативное воздействие предоставленных ему юридических услуг на его шансы быть признанным невиновным.

145. Суд также принимает во внимание аргумент заявителя о том, что он не имел возможности обжаловать судебное решение, так как его адвокат и законный опекун не подали соответствующее заявление. Он отмечает, что во многих случаях такое бездействие со стороны

адвоката приводило к признанию нарушения подпункта (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, совместно с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., к примеру, постановление Европейского Суда от 19 декабря 2013 года по делу «*Суйрак против России*» (*Syrak v. Russia*), жалоба № 38094/05, пункты 30-33; постановление Европейского Суда от 21 июня 2011 года по делу «*Орлов против России*» (*Orlov v. Russia*), жалоба № 29652/04, пункты 109 и 117; и постановление Европейского Суда от 30 июля 2009 года по делу «*Ананьев против России*» (*Ananyev v. Russia*), жалоба № 20292/04, пункты 55-56). Суд не видит оснований для иного заключения по настоящему делу.

146. Наконец, Суд ссылается на аргумент Властей о том, что заявитель должен был уведомить суд первой инстанции о ненадлежащем качестве юридического представительства и, не сделав этого, он не предоставил суду первой инстанции возможность исправить недостатки юридической помощи, на которые он жаловался. Тем не менее, Суду нет необходимости устанавливать наличие или отсутствие подобных просьб со стороны заявителя, поскольку подобные действия заявителя сами по себе не могли освободить органы власти от их обязательства по принятию мер, гарантирующих эффективность его защиты (см. постановление Европейского Суда от 26 марта 2015 года по делу «*Волков и Адамский против России*» (*Volkov and Adamskiy v. Russia*), жалобы №№ 7614/09 и 30863/10, пункт 58, и постановление Европейского Суда от 19 июня 2014 года по делу «*Шехов против России*» (*Shekhov v. Russia*), жалоба № 12440/04, пункт 42). Следовательно, в таких обстоятельствах российские суды должны были вмешаться и либо назначить адвоката, либо отложить проведение слушания до тех пор, пока интересы заявителя не будут надлежащим образом представлены (см. постановление Европейского Суда от 31 октября 2013 года по делу «*Эдуард Рожков против России*» (*Eduard Rozhkov v. Russia*), жалоба № 11469/05, пункт 25).

147. С учетом вышесказанного Суд заключает, что качество юридической помощи, предоставленной заявителю в настоящем деле, не соответствовало требованиям пункта 1 и подпункта (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции.

iii. Доступ к обжалованию

148. Суд считает, что мог возникнуть вопрос в отношении доступа заявителя к обжалованию. Тем не менее, принимая во внимание выводы в связи со статьей 6 Конвенции, приведенные выше, и тот факт, что в национальное законодательство, действующее в период рассматриваемых событий, были внесены изменения (см. пункт 69 выше), Суд заключает, что нет необходимости в рассмотрении вопроса о том, соответствовало ли ограничение доступа заявителя к обжалованию судебного решения требованиям статьи 6 Конвенции.

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

149. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на предполагаемое жестокое обращение в отделении милиции и отсутствие эффективного расследования указанных событий со стороны органов власти.

150. Власти указали, что жалоба заявителя на жестокое обращение являлась необоснованной и, следовательно, «не подлежала обсуждению».

151. Суд отмечает, что жалоба заявителя на жестокое обращение не была подтверждена доказательствами, такими как медицинские свидетельства или показания свидетелей. В тюремных журналах не имелось записей о жалобах заявителя на предположительно жестокое обращение или о его обращениях за медицинской помощью или освидетельствованием. В таких обстоятельствах Суд не может не заключить, что заявление заявителя не является «небезосновательной жалобой» на жестокое обращение. Соответственно, это было недостаточным основанием для возникновения обязательства внутригосударственных органов власти по расследованию предполагаемого происшествия. Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции (см. решение Европейского Суда от 9 ноября 2006 года по делу «Гусев против России» (*Gusev v. Russia*), жалоба № 67542/01).

152. Европейский Суд также рассмотрел другие жалобы заявителя. Тем не менее, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той степени, в которой данные жалобы относятся к его компетенции, Суд считает, что они не содержат признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или в Протоколах к ней. Из этого следует, что данная часть жалобы также должна быть отклонена как явно необоснованная согласно пунктам 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

153. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутригосударственное право Высокой договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

154. Заявитель требовал 900 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

155. Власти утверждали, что установление нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией.

156. Принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 9 700 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

157. Заявитель потребовал 5 400 евро в качестве компенсации расходов, понесенных в Суде, с уплатой суммы непосредственно на банковские счета одного из его представителей — В. Бокаревой.

158. Власти сочли такое требование чрезмерным.

159. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном количестве. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в распоряжении документы, объем материалов, представленных представителями заявителя, стадию судебных разбирательств, на которой они присоединились к заявителю, и учитывая, что заявителю было предоставлено 850 евро для получения правовой помощи в виде представления его интересов в Европейском Суде, Суд считает целесообразным присудить сумму в 3 000 евро, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма. Присужденная сумма подлежит перечислению непосредственно на банковский счет В. Бокаревой.

В. Проценты за просроченный платеж

160. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* жалобы на качество медицинского обслуживания при содержании под стражей, законность содержания заявителя под стражей с 3 мая по 11 июня 2006 года и справедливость судебных разбирательств по уголовному делу с учетом отсутствия заявителя на судебных слушаниях, ненадлежащее качество правовой помощи и отсутствие доступа к обжалованию приемлемыми, и остальную часть жалоб — неприемлемой;
2. *постановил*, что нарушения статьи 3 Конвенции допущено не было;
3. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции;
5. *постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении доступа заявителя к апелляции;
6. *постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 9 700 (девять тысяч семьсот) евро в качестве компенсации морального вреда плюс налог, которым может облагаться данная сумма, подлежащие выплате заявителю;
 - (ii) 3 000 (три тысячи) евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в Суде, подлежащие выплате на банковский счет В. Бокаревой, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;

7. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 21 июня 2016 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Луис Лопес Герра
Председатель